

ВВЕДЕНИЕ

Думаю, к осени 1889 года меня посетила мысль попробовать писать несколько современнее. Ведь до тех пор я, так сказать, носил в литературе костюм. Богатый, образный английский язык начала семнадцатого века всегда представлял для меня особый интерес. Я приучил себя писать на нем, думать на нем; я вел в этой манере дневник и отчасти неосознанно облачал свои повседневные мысли или переживания в одежды кавалеров и каролинских богословов¹. Таким образом, получив в 1884 году заказ на перевод «Гептамерона»², я вполне естественно писал на языке излюбленного

¹ *Кавалеры* — роялисты времен Английской революции XVII века, имевшие благородное происхождение, в отличие от их врагов — «круглоголовых» Кромвеля, простолюдинов. С 1679 года роялисты называют себя тори.

Каролинские богословы — теологи каролинской эпохи. Каролинской эпохой условно называют период правления короля Карла (1625—1649), когда происходило развитие искусства и наук, а также освоение Северной Америки (тогда же была создана провинция Каролина, на территории которой сейчас находятся штаты Северная и Южная Каролина).

² «*Гептамерон*» (L'Heptaméron, 1558) — собрание новелл Маргариты Наваррской, написанных под влиянием «Декамерона» Боккаччо, но с подлинными историями из жизни Испании того времени.

периода и, как объявили некоторые критики, сделал свою английскую версию еще более старинной и чопорной, нежели оригинал. Так и «Анатомия табака» была упражнением в старинном стиле другого рода; и «Хроники Клеменди» — это собрание историй, из всех сил выставлявшихся средневековыми; да и перевод *Le Moyen de Parvenir*¹ — все еще вещь в старинном духе.

Казалось, уже дело решенное, что в литературе мне суждено остаться в прошлом; и сам не знаю, как я от него ушел. Я закончил перевод «Казановы» — более современного, но далеко не сегодняшнего произведения, — и не имел на руках особых дел, и тогда по той или иной причине меня посетила идея попробовать написать что-нибудь для газет. Я начал с того жанра, что зовется «терновер»², в былом сгинувшем «Глоуб» — с безобидного текста о старых английских поговорках; и мне никогда не забыть своей гордости и радости, когда однажды, будучи в Дувре, под свежим осенним ветерком с моря, я купил случайную газету и увидел свое эссе на первой странице. Само собой, это придало мне сил продолжать, и я писал еще статьи в том же духе для «Глоуб», а затем попробовал сговориться с «Сент-Джеймс Гэзетт», обнаружил, что у них платят два фунта против гинеи в «Глоуб», и — опять же само собой, — посвятил большую часть внимания им. После эссе и литературных

¹ *Le Moyen de Parvenir* («Способ добиться успеха», 1616) — роман-диалог Франсуа Бероальда де Вервиля об эпохе Возрождения.

² *Терновер* — английское название статей с началом на первой странице газеты и продолжением в середине.

статей у меня откуда-то взялся вкус к рассказам, их я написал немало, все еще для «Сент-Джеймс Гэзетт», пока осенью 1890 года не сочинил вещицу под названием «Двойное возвращение». Что ж, Оскар Уайльд затем меня спросил: «Не ты ли автор того рассказа, что поднял такой переполох? Как по мне, он очень хорош». Но — переполох я и вправду устроил, и на том наши дорожки с «Сент-Джеймс Гэзетт» разошлись.¹

Но я еще напишу два рассказа, теперь — главным образом для так называемых «светских» газет², ныне не существующих. Один вышел в издании, чье название я давно позабыл. Рассказ я назвал *Resurrectio Mortuorum*, что редактор вполне рассудительно переделал в «Воскрешение мертвых».

Уж не помню точно, как начиналась эта история. Склонен думать, в подобном ключе:

«Старый мистер Льюэллин, валлийский антиквар, швырнул свою утреннюю газету на пол и грохнул кулаком по столу, восклицая: „Боже правый! Последнего

¹ Действительно публикация рассказа «Двойное возвращение» в 1890 году неожиданно даже для самого Мэкена вызвала крайне негативную реакцию в литературных и светских кругах, повлекшую за собой обвинение в аморальности. Что казалось странным тогда и тем более кажется странным сейчас. Впрочем, Мэкену вскоре будет суждено куда сильнее впечатлить и разозлить публику своим «Великим богом Паном».

² «Светскими» газетами назывались издания, посвященные новостям из светской и культурной жизни общества, сплетням, рассказам о званых приемах, благотворительных балах и мероприятиях. К 1922 году, когда вышло новое издание «Дома душ», к которому Мэкен написал это предисловие, подобные издания практически исчезли, превратившись в раздел обыкновенных газет и журналов.

из гартских Карадогов¹ женил священник-диссентер² в баптистской церкви, где-то в Пекхэме³». Или же я начал эту историю несколько лет спустя после этого счастливого события и показал уже совершенно довольного жизнью молодого клерка, который однажды утром слишком резво бежал за omnibusом, весь день нехорошо чувствовал себя в конторе и домой возвращался как в тумане, а потом на самом пороге к нему вернулось, так сказать, родовое сознание. Мне кажется, что в той версии от вида жены и тона ее голоса ему было видение: оно трубным зовом возвестило, что у него нет ничего общего ни с этой женщиной с акцентом кокни, ни с приглашенным на ужин пастором, ни с краснокирпичным особнячком, ни с Пекхэмом или лондонским Сити³. Хоть его старый дом на берегах Аска⁴ был продан пятьдесят лет тому назад, наш главный герой все еще остается гартским Карадогом. Забыл, как я закончил тот рассказ; но вот вам один из источников «Фрагмента жизни».

¹ *Карадоги* — династия военачальников и правителей. Карадог Сухорукий (VI век) — легендарная личность, персонаж романов о рыцарях Круглого стола.

² *Диссентерами* в Англии называли представителей любых протестантских вероисповеданий, отклоняющихся от англиканства. Зачастую диссентерами называли даже католиков, но к концу правления королевы Виктории такое случалось все реже.

³ *Лондонский Сити* — историческое ядро Лондона, где традиционно располагаются офисы компаний и функционирует деловой центр столицы Великобритании.

⁴ Река Аск, текущая в Уэльсе, тесно сплетена с мифами и историей Уэльса, а также с корпусом легенд, связанным с рыцарями Круглого стола. В частности, немало деталей в описании Камелота позаимствовано из описаний Карлеона-на-Аске, древнего города, где родился Мэкен.

И каким-то образом, хоть текст был написан, напечатан и оплачен, для меня он с 1890-го по самый 1899-й оставался историей, рассказанной не до конца. Я влюбился в эту завязку, в сей контраст между грязным лондонским пригородом с его скудным ограниченным бытом и ежедневными поездками в Сити; с его крайней банальностью и незначительностью и старым серым особняком со сводчатыми окнами, что стоит под лесом у реки, с гербом на яacobинском крыльце и древними благородными традициями; все это не отпускало меня, и временами я вспоминал свою недоделанную историю, работая над «Великим богом Паном», «Красной рукой», «Тремя обманщиками», «Холмом грез», «Белыми людьми» и «Иероглификой». По всей видимости, на протяжении того времени она оставалась на задворках разума, и наконец в 1899-м я принялся ее переписывать с несколько иной точки зрения.

Дело в том, что одним серым воскресным днем в марте того года я отправился с другом на долгую прогулку. В те дни я проживал на Грейз-Инн-роуд, и мы пустились по улице в очередное странное и ненаучное исследование любопытных закоулков Лондона, что всегда так меня радовали. Не думаю, чтобы планировалось что-либо конкретное; но в пути мы бежали множества соблазнов. Ведь по правую сторону от Грейс-Инн-роуд находится один из самых странных кварталов Лондона — для незашоренных глаз, конечно же. Здесь улочки 1800—1820 годов сбегают в долину — на одной из них проживала Флора из «Крошки Доррит»¹, — а затем пересекают Кингс-Кросс-роуд

¹ Чарльз Диккенс «Крошка Доррит» (Little Dorrit, 1855—1857).

и резко забираются на высоты, у меня лично всегда складывая впечатление, будто бы я попал в самый дальний и бедный уголок какого-то большого приморского местечка и здесь из чердачных окон открывается славный вид на море. Некогда эта округа звалась Спа-Филдс, а среди ее достопримечательностей значилась старинная молельня «Связи» графини Хантингдон¹. Это один из тех районов Лондона, что привлекли бы меня, желай я спрятаться; скорее не от ареста, а от вероятности встретиться с кем угодно, кто меня когда-либо видел.

Но мы с другом утерпели перед всеми соблазнами. Мы прогулялись до переплетенья множества дорог у вокзала Кингс-Кросс и отважно пустились вверх по Пентонвилю. И вновь: по левую руку от нас находился Барнсбери, который ничем не хуже Африки. В Барнсбери *semper aliquid novi*², но наш путь правила за нас некая оккультная сила, и так мы прибыли в Ислингтон и выбрали правую сторону дороги. Покамест мы находились в терпимом крае известного, поскольку каждый год в Ислингтоне проводится большая Выставка скота, куда съезжаются многие. Но, отклонившись правее, мы попали в Кэнонбери, о коем уже известно лишь из рассказней путников. Пожалуй, только когда время от времени сидишь у

¹ «Связь» графини Хантингдон (Countess of Huntingdon's Connexion) — общество евангельских церквей, основанное графиней Хантингдон в 1783 году в результате Ривайвелизма (изначально стихийное движение, противостоящее объявлению религии официальной и превозносящее именно личный религиозный опыт, поэтому и возникали небольшие отдельные общества и кружки изучения Библии).

² (*Ex Africa*) *semper aliquid novi* — Из Африки всегда приходит что-то новое (лат.).

зимнего камелька, пока за окном завывает ветер и сыплет снег, молчаливый незнакомец в углу расскажет, что в Кэнонбери-де жила его двоюродная бабка в 1860 году; так в четырнадцатом веке встречались люди, общавшиеся с теми, кто побывал в Китае или повидал чудеса Великого Шама¹. Таков и Кэнонбери; сам я едва ли смею говорить о его мрачных площадях, заросших садах в глубине задворков, темных переулках с неприметными и таинственными боковыми дверями: как я уже сказал — «Росказни Путников», а им веры нет.

Но страннику в Лондоне знакомо предчувствие бесконечности. Всегда есть край дальше *Ultima Thule*². Не знаю, как так вышло, но в то достославное воскресенье мы с другом, минуя Кэнонбери, вышли на так называемую Боллс-Понд-роуд — где-то в ее окрестностях проживал мистер Перч, посланник из «Домби и сына»³, — и дальше, кажется, через Долстон на юг, в Хэрни, откуда к пределам западного мира через указанные интервалы устремляются караваны, или трамваи, или — как вроде бы выражаются в Америке — «троллейкары».

Но в ходе той прогулки, ставшей вылазкой в неизведанное, я увидел две совершенно обыденные вещи, произведшие на меня глубокое впечатление. Улицу и маленькую семью. Улица находилась где-то в

¹ *Великий Шам, Великая Сирия* (от «Биляд аш-Шам») — регион Ближнего Востока на востоке Средиземного моря.

² *Ultima Thule* (букв. «крайний Туле») — край света, от легендарного острова-призрака, описанного греческим путешественником Пифеем.

³ Имеется в виду роман Чарльза Диккенса «Домби и сын» (1846—1848).

том неопределенном, неизведанном регионе Боллс-Понд — Долстон. Это была длинная улица, серая улица. Каждый дом выглядел в точности как его соседи. У каждого имелся полуподвал — из тех, что агенты в последнее время привыкли звать «нижним первым этажом». Передние окна подвалов торчали над клочком черной закопченной почвы и грубой травы, звавшимся палисадом, и потому, когда я там прогуливался часов около четырех или половины пятого, мне открывался вид во все до единой «комнаты для завтрака» — это их формальное название, — на уже расставленные подносы и чайные чашки. Такое житейское и естественное обстоятельство вызвало у меня мысль об унылой жизни, уложенной по жутким правилам продуманного единообразия, — жизни без приключения тела или души.

Затем — семья. Она села в трамвай в сторону Хэгни. Отец, мать и младенец; и надо думать, они только что вышли из небольшой лавочки, возможно, — магазина украшений для дома. Родители были молодыми людьми в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти. Он — в черном блестящем сюртуке (это вроде бы называется «Альберт» в Америке?), цилиндре, с бачками, темными усами и выражением дружелюбного отсутствия. Жена — причудливо разодетая в черный атлас, в широкополой шляпе, с видом не болезненным, а скорее бессодержательным. Полагаю, и о ней говорили, что в прошлом — но не слишком часто — у нее пробуждался «норов». А на ее коленях сидел маленький ребенок. Семья наверняка собиралась провести воскресный вечер с родными или друзьями.

И все же, сказал я себе, эти двое причастились к великой тайне, великой евхаристии природы, источнику

всего магического на белом свете. Но разглядели ли они его секреты? Знают ли, что побывали в месте, что зовется Сионом и Иерусалимом? Здесь я цитирую старую книгу, странную книгу.

Вот так-то, вспомнив заодно старый рассказ «Воскрешение мертвых», я и обрел источник для «Фрагмента жизни». Тогда я писал «Иероглифику», давеча закончив «Белых людей»; или, вернее, решив, что вышедшее в печати под этим заглавием — это все, что будет написано, а Великий героический роман, который написать следовало — воплощая мою задумку — не будет создан никогда. И потому, закончив «Иероглифику» где-то в мае 1899 года, я принялся за «Фрагмент жизни» и написал первую главу с огромнейшим удовольствием и совершенной легкостью. А затем на фрагменты разбилась уже моя жизнь. Я перестал писать. Я путешествовал. Я повидал и Сион, и Багдад, и множество других причудливых мест — ищите объяснение сего таинственного вояжа в «Далеком и близком», — и очутился в освещенном мире подмостков и штанкетов, выходил на просцениум, уходил за кулисы и занимался прочими престранными вещами.¹

И все же, невзирая на все потрясения и перемены, «допущение» меня не покидало. Вновь я за него

¹ В 1899 году умерла от рака Амелия Хогг, жена Артура Мэкена. Эта смерть полностью изменила жизнь Мэкена, он отказался от сочинительства и с трудом сумел оправиться от потери только через год. В 1901 году Мэкен стал актером в театральной труппе Фрэнка Бенсона, с которой объездил всю Англию, а также побывал за границей. Новое призвание привело Мэкена в 1903 году к знакомству с Дороти Пьюрфой Хадлстон, ставшей его второй женой.

взялся, пожалуй, в 1904 году, охваченный ожесточенной одержимостью закончить начатое. Теперь ничто не давалось легко. Я пробовал писать и так, и эдак, и наперекосяк. Ничего не получалось, я не довел до конца ни одну попытку; но все пробовал и пробовал снова. Наконец слепил какую-никакую концовку, пре-скверную, что осознал, уже дописав последнее слово, и рассказ вышел в 1904 или 1905 году в «Хорликс Мэ-гэзин» под редактурой моего старого и дорогого друга А. Э. Уэйта¹.

И все же: я оставался недоволен. Сочиненная мною концовка была неприемлема, и я это знал. Потому вновь засел за работу, боролся с финалом вечер за вечером. И я припоминаю странное обстоятельство, что как будто может представлять некий физиологический интерес. Тогда я проживал в замкнутой «верхней части» дома на Косуэй-стрит, что у Марилебон-роуд. Чтобы мучиться в одиночестве, писал я на небольшой кухоньке; и пока угрюмо, свирепо, но совершенно безнадежно бился за мало-мальски подходящую концовку «Фрагмента жизни», я с изумлением и едва ли не испугом обнаружил, что мои ноги пронизывает за-гробный холод. На кухне холодно не было — я зажигал

¹ *Артур Эдвард Уэйт* (1857—1942) — английский поэт и мистик, с которым Мэкена познакомила его первая жена, и он стал другом писателя до конца жизни последнего. Именно Уэйт привел Мэкена в Герметический орден Золотой зари, магический орден, существовавший в Англии в течение второй половины XIX века — начале XX века, практиковавший теургию, магию и алхимию. Знаменитыми членами ордена были такие писатели, как Уильям Батлер Йейтс, Артур Конан Дойл, Алджернон Блэквуд. Сам Уэйт посвятил свою жизнь систематическому изучению западного оккультизма, а также входил в масонское и розенкрейцерское общества.

конфорки небольшой газовой плиты. И самому мне холодно не было — но вот ноги мерзли совершенно удивительным образом, словно стояли во льду. Наконец я снял тапочки, думая приткнуть ступни к плите, но, ощупав их, обнаружил, что они вовсе не холодные! Однако ощущение не уходило; вот вам, пожалуй, и странный пример отдачи в конечностях того, что творится в мозгу. На ощупь ноги казались вполне теплыми, но по ощущению мерзли. Зато какое верное свидетельство меткости американской идиомы о холодных ногах¹, означающей удрученное и отчаянное настроение! Но так или иначе история была закончена, а я наконец выкинул «задумку» из головы. Во все эти подробности о «Фрагменте жизни» я углубляюсь потому, что во многих кругах меня уверяют, будто бы это лучшее, что я когда-либо писал, и исследователям кривых путей-дорожек литературы может быть интересно услышать, как тяжек был вложенный в это произведение труд.

«Белые люди» — повесть того же года, что и первая глава «Фрагмента жизни», 1899-го, когда я еще закончил «Иероглифику». Факт в том, что тогда я пребывал в прекрасном расположении литературного духа. До того меня целый год мучили и беспокоили в редакции «Литературы» — еженедельника, публиковавшегося газетой «Таймс», — и, выйдя на свободу, я почувствовал себя узником, сбросившим оковы; по крайней мере, готовым пуститься в беллетристический пляс. Тотчас я задумал Великий героический

¹ Мэкен имеет в виду фразеологизм «cold feet», который в переводе действительно означает нервозность, неуверенность, малодушие или испуг.